

АЛЕКСАНДР ВЕБЕР

Россия перед ИННОВАЦИОННЫМ ВЫЗОВОМ

В статье речь пойдет о роли государства и бизнеса как субъектов инновационного развития в конкретных условиях России 2000—2011 годов. Следует отметить, что сегодня только государство способно мобилизовать достаточные ресурсы для того, чтобы способствовать продвижению крупных инновационных проектов. Выступая активным субъектом научно-технического прогресса, оно принимает на себя неизбежные инновационные риски, осуществляет финансовую и иную поддержку НИОКР, проводит государственное макроэкономическое регулирование в целях сохранения конкурентной рыночной среды, осуществляет инвестиции в человеческий капитал.

Инновационное развитие как государственная задача

В России попытки дать импульс инновационному развитию на государственном уровне предпринимаются с конца 1990-х годов. В июне 2000-го года Центром стратегических разработок (ЦСР) была опубликована программа социально-экономического развития РФ на период до 2010 года («Стратегия-2010»). Один из ее главных разделов был посвящен инновационному развитию как необходимому условию модернизации

экономики. Эта задача не была решена (как, впрочем, и почти вся остальная часть «Стратегии-2010») за время первых двух сроков президентства В. Путина. Вновь она была поставлена президентом Д. Медведевым в 2009 году в его программе российской модернизации — «Концепции социально-экономического развития РФ на период до 2020 года».

В этом документе были установлены новые целевые ориентиры модернизации и поэтапного перехода к инновационному типу развития. Во главу угла (как и ранее) ставилось развитие человеческого потенциала¹. Тем временем с 2009 года возобновились попытки законодательного регулирования государственной поддержки инновационной деятельности. Группа депутатов от «Справедливой России» внесла в Государственную Думу законопроект «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», но по формальным мотивам он не был даже поставлен на обсуждение. В 2010 году та же группа депутатов еще трижды вносила аналогичные законопроекты — но безрезультатно. В феврале 2011-го года законопроект о государственной поддержке инновационной деятельности в Россий-

¹ См. www.economy.gov.ru/

ской Федерации был внесен группой депутатов от «Единой России» и других фракций и вскоре рассмотрен в первом чтении.

Но вопрос решился иначе. В июле того же года президент Медведев подписал Закон № 254-ФЗ о внесении изменений в Закон № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» от 23 августа 1996 года. В него были включены дополнения — определение основных понятий, относящихся к инновационной деятельности, и глава IV п. 1 «Государственная поддержка инновационной деятельности», где указаны основные цели и принципы такой поддержки, субъекты и формы ее предоставления, порядок оценки ее эффективности.

В развитие практики, введенной В. Путиным еще в 2002 году, президентским указом в июле 2011-го в очередной раз утверждены приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации, а также перечень критических технологий. Приоритетных направлений установлено восемь: безопасность и противодействие терроризму; индустрия наносистем; информационно-телекоммуникационные системы; науки о жизни (? — *А.В.*); перспективные виды вооружения, военной и специальной техники; рациональное природопользование; транспортные и космические системы; энергоэффективность, энергосбережение, ядерная энергетика². Степень приоритетности этих направлений определяется, понятно, в зависимости от политических предпочтений, или даже прихотей, руководства страны.

Уже в конце 1990-х в России появились частные венчурные фонды. В 1997 году была основана Российская ассоциация венчурного инвестирования (РАВИ). В 2006-м образована Нацио-

нальная ассоциация инноваций и развития информационных технологий (НАИРИТ), созданная при содействии Министерства по информационным технологиям и связи, Министерства экономического развития, Совета Федерации РФ, Счетной палаты РФ и Российской Академии наук. По решению правительства в том же году была создана Российская венчурная компания (РВК) — государственный «фонд фондов», призванный стать одним из ключевых инструментов формирования национальной инвестиционной системы. Перед РВК ставилась задача стимулировать создание в России системы венчурного инвестирования и способствовать увеличению финансовых ресурсов венчурных фондов.

Законом «О науке и государственной научно-технической политике» в редакции 2011 года предусмотрены различные формы поддержки научной, научно-технической и инновационной деятельности, в том числе финансовой (специальные фонды, субсидии, гранты, кредиты и пр.). В статью 267 Налогового кодекса внесены изменения, согласно которым с 1 января 2012 года компании получили право откладывать 3 процента от подоходного налога в качестве резерва под будущие НИОКР³.

Оценить кпд уже существующих венчурных фондов трудно. Эксперты указывают на низкую результативность межведомственной координации исследований и разработок, отсутствие эффективных механизмов трансферта результатов оборонных и гражданских исследований и разработок, правовое несовершенство формы и механизмов государственно-частного партнерства, низкий уровень публичности результатов научной и инновационной деятельности, а также конкуренции в науч-

² www.news.kremlin.ru/ref_notes/987

³ См. «РБК daily». 09.08.2011.

ной среде. Наиболее успешны с точки зрения инновационного развития российские телекоммуникационные компании. Их успехи обусловлены главным образом использованием передовых зарубежных технологий, импортом иностранного оборудования. Лишь немногие отечественные компании в этой отрасли способны целенаправленно выстраивать инновационные стратегии, основанные на самостоятельной разработке новых технологий. Среди пионеров инновационного развития можно назвать также некоторые компании, работающие с нанотехнологиями.

В региональном разрезе к десятке лидеров инновационной активности в стране относят Москву, Красноярский край, Калужскую, Нижегородскую, Новосибирскую, Самарскую, Томскую, Ульяновскую области, Башкирию, Татарстан. В большинстве регионов уровень инновационной активности определяется специалистами как «средний» (24 региона) или «низкий» (вместе с «отстающими» это 42 региона)⁴. Общий же уровень инновационной активности в народном хозяйстве остается низким⁵. Многие характеристики научно-технического потенциала — средний возраст исследователей, научное оборудование, финансирование — существенно уступают показателям передовых промышленных стран. На протяжении всего постсоветского периода число организаций, занятых в сфере НИОКР, сокращалось. Были ликвидированы многие когда-то знаменитые советские КБ. Количество проектных и проектно-изыскательских организаций с 1995 года сократилось в шесть раз, многие из них были просто

заброшены, а их помещения проданы частным инвесторам для использования в иных целях.

Объем финансирования НИОКР по сравнению с советским периодом в начале 1990-х годов снизился в несколько раз — до 0,85 процента от ВВП (чуть ли не вдвое сократившегося) в 1995 году. К 2010 году этот показатель немного вырос — до 1,16 процента от ВВП (тогда как в США он достигает 2,7, в Японии — 3,3, в ЕС — 1,9 процента). По мнению известного экономиста академика С. Ю. Глазьева, становление в России нового технологического уклада немыслимо без *трехкратного* увеличения расходов на науку и инновации (что в свою очередь требует значительного увеличения нормы накопления в народном хозяйстве)⁶.

Но проблема состоит не только в уровне финансирования. Она проявляется еще и в дефиците спроса на инновационные разработки со стороны промышленности и других отраслей хозяйства, в частности — военно-промышленного комплекса. Руководству федеральной целевой программы научно-технического развития приходится иметь дело преимущественно с инновационными проектами, которые предлагают сами исследовательские организации и центры, но которые часто не могут найти коммерческого применения.

Тут много причин: упадок несырьевых отраслей производства вследствие экономических реформ 1990-х; плохой инвестиционный климат; предпочтение импорту новых технологий, оборудования и материалов; отсутствие единой государственной промышленной и инвестиционной политики. Инновационное сообщество в России ожидает большего участия государства в решении проблем

⁴ «Российская бизнес-газета». 02.02.2010.

⁵ См. «Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу». — «Политика». 12.08.2011. № 31—32.

⁶ См. С. Глазьев. Как оседлать волну. — «Независимая газета». 03.02.2012.

инновационного развития. В ходе опроса, проводившегося НАИРИТ, 58,7 процента респондентов высказались за усиление роли государства в формировании инновационной инфраструктуры.

В начале 2011 года Минэкономразвития предало гласности новый проект стратегии инновационного развития — «Инновационная Россия-2020». Согласно этому документу за десятилетие доля инновационной продукции в общем объеме промышленного производства должна вырасти до 25—35 процентов (в сравнении с 5 процентами в 2010 году). Каким образом это произойдет, если в экономике по-прежнему доминирует сырьевая составляющая? Между тем причины технологического отставания и низкой инновационной активности российских предприятий в этом проекте даже не обсуждаются.

Причины торможения — в перекосах переходного периода

Российские реформаторы 1990-х, избрав имитационный путь модернизации (с ориентацией на американскую модель), сильно переоценили возможности рыночной «самонастройки» и серьезно недооценили присущие рынку дисфункции, значение регулятивной роли государства, особенно в переходный период, масштабы возможных рисков и издержек. В результате сложилась худшая комбинация из возможных — сочетание неконкурентного, монополизированного, криминального квазирынка с разбухшим коррумпированным бюрократическим аппаратом.

⁴ См. А. Шурубович. Постсоветские региональные объединения: достижения, проблемы, перспективы. — www.analyticsmz.ru/?cat=158

⁵ См. «Содружество Независимых Государств в 2009 году. Статистический ежегодник». М., 2010. С. 101.

Интеграция России в глобальную экономику получила однобокий характер. Рыночные стимулы, подкрепленные конъюнктурой на мировом рынке, способствовали усилению *экспортно-сырьевой направленности российской экономики*. Доля экспорта по отношению к ВВП с 1990-го по 2005 год увеличилась почти в два раза, а доля сырья в экспорте — до 60 процентов (см. Таблицу 1).

Россия экспортировала преимущественно сырье — нефть, газ, уголь, металлы, лес. В последующие годы такой перекося в структуре российского производства и экспорта не только сохранился, но и усилился — доля углеводородов в экспорте выросла до 70 процентов. Особенно разителен контраст по сравнению с суммарными показателями по развивающимся странам: в их экспорте, в отличие от России, преобладает и занимает все большее место продукция обрабатывающей промышленности, а доля в нем высокотехнологичной продукции намного больше, чем в России.

Хотя на протяжении «нулевых» Россия имела положительное сальдо торгового баланса в сотни миллиардов долларов (за 2005—2010 годы суммарно около 1 триллиона долларов), эти огромные валютные ресурсы не были использованы для развития реального сектора экономики. В экономической политике продолжали доминировать интересы сырьевого лобби. Ориентация на сырьевой экспорт обернулась тормозом для развития реального сектора, для технического прогресса. Вследствие благоприятной конъюнктуры на мировых рынках сырья, монопольного положения на внутреннем рынке и льготного налогообложения сырьевые сектора получали значительные преимущества

⁶ См.: «10 лет Содружеству Независимых Государств: иллюзии, разочарования, надежды». М., 2001. С. 6; «БИКИ». 25.02.2010. С. 2.

Таблица 1

Структура внешней торговли России в сравнении с промышленно развитыми и развивающимися странами (1990–2005 гг.)

Страны	Импорт товаров и услуг (процентов ВВП)		Экспорт товаров и услуг (процентов ВВП)		Экспорт сырья (процентов от экспорта товаров)		Экспорт промышленных товаров (процентов от экспорта товаров)		Экспорт высоких техноло- гий (процентов от экспорта промышленных товаров)	
	1990	2005	1990	2005	1990	2005	1990	2005	1990	2005
Россия	18	22	18	35	..	60	..	19	..	8,1
Страны ОЭСР	18	22*	17	21*	19	17	79	79	18,5	18,8
Развивающиеся страны	24	40	25	44	40	28	59	71	10,4**	28,4

*Данные относятся к более раннему году, чем указанный, начиная с 2000 года.

**Данные относятся к последнему году за период 1988–1992 годов, по которому имеется статистика.

Источник: «Доклад о развитии человека 2007/2008. ПРООН "Борьба с изменениями климата: человеческая солидарность в разделенном мире"». М., «Весь мир», 2007. С. 286, 288.

в привлечении внешних и внутренних ресурсов (капитала и труда) по сравнению с несырьевыми.

Фактором торможения стало *серьезное отставание России по социальным показателям, характеризующим формирование человеческого потенциала*. Между тем благодаря форсированию таких инвестиций отстававшей было Швеции удалось модернизировать свою экономику и вернуть себе лидерские позиции в мировом хозяйстве. Финляндия за исторически короткий срок сумела перейти от сырьевой в основном экономики к инновационной и занять 1-е место в мире в рейтинге экономической конкурентоспособности. По этому пути пошли и добились значительных результатов некоторые страны Юго-Восточной Азии.

В России этого не случилось. Мы сильно уступаем странам Запада (и не только им!) по уровню социальных расходов — их доля в ВВП в 1,5–2 раза меньше, чем в развитых странах⁷. Не приходится поэтому удивляться, что в 1990-е годы индекс человеческого развития в России сильно упал, и даже после того, как падение приостановилось, Россия в 2011 году занимала по этому показателю лишь 66-е место (из 187 государств) — позади многих стран Восточной Европы и Латинской Америки... Между тем человеческий капитал — это главная составляющая национального богатства современных обществ. Согласно имеющимся оценкам, в развитых странах на него приходится не менее трех четвертей национального богатства, тогда как в России — примерно 50 процентов (по расчетам экспертов Всемирного банка, см. *Таблицу 2*). По мнению некоторых российских экспертов, эта оценка, возможно, даже завышена.

⁷ См. «Россия в 2010 году: российские трансформации в контексте мирового развития». М., 2010. С. 85.

Таблица 2

Оценка человеческого капитала в странах мира в конце XX века

Страны	Общий объем (триллионов долларов)	Человеческий капитал (в процентах)	
		к национальному богатству страны	к мировому итогу
Страны «семерки» и ЕС	215	78	59
в том числе			
США	95	77	26
Россия	30	50	8
Мировой итог	365	66	100

Источник: Л. Нестеров, Г. Ашарова. Национальное богатство и человеческий капитал. — «Вопросы экономики», 2003. № 2.

Следует, конечно, учитывать, что оценка «веса» человеческого капитала зависит от оценки веса природных ресурсов и физического капитала,

доли которых в национальном богатстве разных стран неодинаковы. Эти данные также весьма показательны (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Национальное богатство мира на начало XXI века

Страны	Национальное богатство		По видам капитала (триллионов долларов)		
	Всего (триллионов долларов)	На душу населения (тысяч долларов)	человеческий	природный	физический
Страны «семерки» и ЕС	275	360	215	10	50
Россия	60	400	30	24	6
Мировой итог	550	90	365	90	95

Источник: Л. Нестеров, Г. Ашарова. Национальное богатство и человеческий капитал.

Россия — страна богатая по природным ресурсам, но среди крупных стран — одна из сравнительно бедных по размеру человеческого и физического капитала на душу населения. Для развитых стран соотношение человеческого и природного капитала составляет 20:1, соотношение природного и физического капитала — 1:5. А в России соотношение обратное: в первом случае — 5:4, во втором — 4:1. Контраст разительный!

Государственная политика в области науки на протяжении рассматриваемого периода не отвечала требованиям перехода к инновационному типу развития. Некоторое увеличение расходов на науку в последнее время пока не дало ощутимых результатов — оно недостаточно для того, чтобы

обеспечить перелом в области фундаментальных и прикладных научных исследований. В Советском Союзе объем расходов на НИОКР достигал 5 процентов от ВВП (правда, в большей степени за счет прикладных исследований — до 60 процентов в 1985 году), а это почти в пять раз больше, чем сейчас в России⁸.

⁸ Несмотря на оптимизм заявления П. В. Данилина о том, что наша страна «входит в десятку мировых лидеров по финансированию НИОКР» (П. В. Данилин. Политика Медведева в цифрах и фактах. — «Независимая газета». 14.10.2011), в этом списке Россия занимает последнее место с огромным отрывом от остальных входящих в него государств. Если в 2011-м расходы на НИОКР в США составили (в миллиардах долларов) 382,6, в Китае — 153,7, а в Японии — 144,1, то в России — лишь 23,1, то есть в 17 раз меньше, чем в США, почти в 7 раз меньше, чем в Китае и в 6 раз меньше, чем в Японии.

Не лучше обстоит дело в сфере образования. Власти систематически экономят на этой области: доля государственных расходов на него по состоянию на 2007 год составляла 3,9 процента от ВВП (в 2011 году — 4,0) против 6,7 процента в Норвегии, 5,9 в Финляндии, 5,5 — в США⁹. Россия существенно уступает развитым странам по такому показателю, как среднее число лет обучения взрослых и детей. По уровню образованности Россия в международном сопоставлении сползла с 3-й позиции, которую занимала в советское время, на 35-ю в последние годы.

Крайне остро стоит вопрос о подготовке квалифицированных кадров для производства. Переход к инновационному развитию требует соответствующей кадровой «подпитки». Нехватка инженеров, техников, квалифицированных рабочих, знания и навыки которых отвечали бы современному уровню технологического развития, выросла в серьезнейшую проблему. Существовавшая в советское время система подготовки квалифицированных кадров для промышленности развалилась, а создание новой, способной заменить ее, затягивается. К тому же сильно упал престиж инженерных, технических, рабочих специальностей.

Требованиям инновационного развития не удовлетворяет и *состояние* здравоохранения. Здоровье нации — один из главных факторов, определяющих потенциал креативности и инновационности национальных экономик. В России состояние здоровья нации в постсоветский период резко ухудшилось. Качество медицинского обслуживания, не-

смотря на улучшения в отдельных учреждениях, остается неудовлетворительным в большинстве регионов и населенных пунктов (в мировом рейтинге у России по этому показателю 130-е место). Государственные расходы на здравоохранение составляют всего 4 процента от ВВП — тогда как в Норвегии, например — 7,5, в США — 7,1 (и не менее того из частных источников), в Финляндии — 6,1 процента (2010 год). По словам доктора Рошаля, в целом «здравоохранение недофинансируется у нас в два раза приблизительно»¹⁰.

Особая роль в формировании человеческого капитала, адекватного требованиям инновационного развития, принадлежит культуре — как системе программирования жизненных смыслов, определяющих поведение людей. Культура — и в широком, и в узком ее понимании — важнейший ресурс инновационного развития¹¹. Сложившаяся у нас в этой области ситуация оптимизма не внушает. Бюджетное финансирование культуры осуществляется по знакомому в прошлом «остаточному» принципу. Недофинансирование культурной сферы прогрессирует, она отдана большей частью на откуп рынку. Коммерциализации культурного пространства присущи разрушительные тенденции — подстраивание под самые невзыскательные вкусы. Государство, которое должно было бы оградить общество от деградации и дегуманизации культуры, не выполняет этой своей функции; напротив — создается впечатление, что власти в этом и не заинтересованы, что находится в разительном противоречии с заявленными целями инновационного развития.

⁹ См.: «Доклад о развитии человека. 2010. ПРООН. “Реальное богатство народов: пути к развитию человека”. 20-е, юбилейное изд. М., 2010. С. 202–203; «International Human Development Indicators — UNDP». — www.hdrstats.undp.org/

¹⁰ «Новая газета». 18.04.2011.

¹¹ См. Д. Б. Дондурей. Культура и инновации: неосознанный потенциал. — «НГ-Сценарии». 24.04.2012.

Существенный вклад в ухудшение морального климата в обществе вносит рост социального неравенства: здесь мы «обогнали» Западную Европу и «догоняем» Латинскую Америку. От застойной бедности страдают и те, кто мог бы стать мотором инноваций и модернизации. Около половины населения, работающего в науке, образовании и здравоохранении, имеет уровень доходов ниже среднего. По признанию зам. главы Минэкономразвития А. Клепача, «та часть общества, которая должна создавать интеллектуальные услуги, является в основной массе необеспеченным населением и, по всем нашим прогнозам, может остаться бедной до 2020 года и далее»¹².

Российский бизнес перед инновационным вызовом

Возможности российского бизнеса с точки зрения задач инновационного развития существенно ограничены сложившейся системой олигархически-бюрократического капитализма. Ее главная особенность — тесное переплетение власти и собственности, зависимость бизнеса от власти, использование рынка как орудия укрепления власти¹³. Главными формами ведения бизнеса в России стали те, что принято называть «силовым предпринимательством», «семейным», «клановым» или «чекистским» капитализмом — подобные определения нередко фигурируют в средствах массовой информации.

Ядро экономической системы образуют *госкорпорации и компании с*

государственным участием, занимающие командные высоты в ключевых отраслях народного хозяйства. Будучи государственными по названию, госкорпорации и компании с преобладающим государственным участием не являются в полном смысле таковыми по своей сути, так как в управлении ими преобладают скорее частные, чем публичные интересы. Их главная забота — обеспечивать высокие доходы акционеров и топ-менеджеров путем постоянного повышения тарифов. Политика взвинчивания тарифов, значительно опережающих уровень инфляции, санкционировалась на протяжении «нулевых» годов властью — обоснованность повышения тарифов проверяли и утверждали федеральные органы. При этом в тарифы закладывались бонусы руководителей компаний в десятки и сотни миллионов рублей. Хотя накануне выборов В. Путин считал нужным слегка пожурить «оборзевших» руководителей энерге-

Будучи государственными по названию, госкорпорации и компании с преобладающим государственным участием не являются в полном смысле таковыми по своей сути, так как в управлении ими преобладают скорее частные, чем публичные интересы.

тических компаний, ожидается, что в ближайшие годы тарифы на энергоресурсы будут расти и дальше.

Опережающий рост доходов естественных монополий не сопровож-

¹² «Независимая газета». 27.04.2011.

¹³ См. А. Олейник. Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов. М., 2011.

дается улучшением состояния инфраструктуры в стране. Рост тарифов на газ, электроэнергию, транспортные услуги ставит другие отрасли экономики в трудное положение, что никак не способствует решению задач модернизации и инновационного развития. Сами государственные компании, имея возможность компенсировать свою неэффективность повышением тарифов, не особенно заинтересованы инвестировать в новые технологии. Их инновационная активность находится на достаточно низком уровне — особенно если сравнивать с крупнейшими корпорациями на Западе.

У *крупного частного бизнеса* также нет серьезной мотивации на внедрение инноваций. Доля частных инвестиций в общем финансировании НИОКР невелика, и оно покрывается преимущественно из бюджетных источников¹⁴. Российский бизнес, как заметил еще в начале своего президентства Д. Медведев, никак не мотивирован на инновационную деятельность¹⁵. Понятно, что для крупного бизнеса риски инновационных проектов особенно чувствительны, поэтому естественно стремление их избежать. Увеличение продолжительности рабочей недели выглядит предпочтительней, чем модернизация техники и технологий, требующая инвестиционных затрат «здесь и сейчас». Большинство предпринимателей в России не спешат применять технические и технологические новшества, в корне меняющие процесс производства, ограничиваясь незна-

чительными модификациями старой продукции.

Есть, конечно, исключения, но их мало. Эксперты констатируют низкий уровень корпоративного управления в России. К тому же бизнесу приходится действовать в условиях сильной зависимости от властей, экономической, политической и правовой неопределенности, у него нет уверенности в будущем. Крупный частный бизнес, как справедливо отмечают сведущие специалисты, — «квазичастный бизнес». Фактически крупные предприниматели ничего серьезного не могут предпринять без ведома властей. Попытки хозяев ЮКОСа проявить самостоятельность плохо закончились для самой компании и ее руководителей. Этот урок, похоже, хорошо усвоен другими олигархами.

Тем больше их тянет к «другому берегу»: к офшорам, где удобнее и выгоднее совершать коммерческие сделки; к вложениям в недвижимость и другие активы за рубежом; к кредитованию у зарубежных заемщиков. Чистый вывоз капитала за 2000—2011 годы оценивается Центробанком в 243 миллиарда долларов. В 2011 году общий отток капитала, по данным Центробанка, достиг 84,2 миллиарда долларов (причем наполовину это был нелегальный вывоз). «Бегство капиталов» из России сокращает инвестиционные возможности внутри страны. Отток капитала лишь отчасти компенсируется зарубежными инвестициями, которые при ближайшем рассмотрении оказываются средствами, реинвестируемыми российским же бизнесом после того, как они сначала были проведены через офшоры. При этом речь идет главным образом о портфельных инвестициях, направляемых прежде всего в добывающие отрасли.

В принципе, более мотивированы на инновации и обладают большей

¹⁴ Для сравнения: в США из федерального бюджета покрывается 35 процентов финансирования НИОКР, остальное — из частных источников (корпорации, страховые компании, пенсионные фонды).

¹⁵ См. «Выступление Д. Медведева на совещании по вопросам модернизации и технологического развития экономики 15 мая 2009 года». — www.kremlin.ru/text/appurs/2009/05/216352.shtml

гибкостью в этом отношении *мелкие и средние предприятия*. Но экономический и общественно-политический климат для них также неблагоприятен. Доля мелких и средних предприятий в ВВП невелика (около 20 процентов, тогда как в развитых странах — более 50 процентов). Да и сосредоточены они преимущественно в торговле и услугах. О поддержке мелкого и среднего бизнеса много говорится, но меры в этом направлении половинчаты, саботируются местными властями, силовыми ведомствами, которые рассматривают бизнес как «дойную корову»¹⁶. Именно по мелкому и среднему бизнесу особенно сильно бьет тарифная политика госмонополий — достаточно сказать, что для отечественной промышленности электроэнергия стоит в 1,5 раза дороже, чем в США.

Действующий Уголовный кодекс, сохранивший пришедшую из советской эпохи репрессивную сущность, открывает широкий простор для злоупотреблений статьями о «незаконном предпринимательстве», «отмывании доходов» и т. п. За десять «нулевых» лет зарегистрировано около 3 миллионов преступлений в экономической сфере, а это значит, что чуть ли не 40 процентов бизнесменов подверглись за эти годы уголовным репрессиям. Уровень криминализации бизнеса действительно высок. Отчасти это объясняется изъятиями

фискальной и правовой системы, вынуждающей предпринимателей нарушать закон. Многие предприниматели становятся жертвами административного произвола, вымогательства, рейдерских атак с целью передела или захвата собственности. Большинство предпринимателей испытывают страх за свою собственность, за свою жизнь и свободу¹⁷.

Все это не может не сказываться на состоянии инновационного бизнеса. Число малых инновационных предприятий (МИП), зарегистрированных в отрасли «Наука и научное обслуживание», до середины «нулевых» годов неуклонно сокращалось: с 50 тысяч в 1995 году до 23 тысяч в 2002-м¹⁸. По состоянию на 2010 год в отрасли «Научные исследования и разработки» было зарегистрировано всего 41,9 тысячи предприятий и организаций, в том числе 33,7 тысячи частных, большинство из которых можно отнести, очевидно, к малым предприятиям¹⁹. Для сравнения: в США в сфере научно-технических услуг насчитывается более 850 тысяч компаний с общим числом занятых около 8 миллионов человек, то есть в среднем примерно 10 человек на одну компанию²⁰.

Об уровне инновационной активности можно судить по следующим данным. В последнее время, по данным Росстата, ежегодно создавалось 700—800 передовых технологий (в 2010 году — 762). Но большей частью речь идет об известных

¹⁶ Выступая в апреле 2011 года с отчетом правительства в Госдуме, В. Путин утверждал, что в 2009—2010 годах в РФ появилось 600 тысяч новых малых и средних компаний и индивидуальных производителей. Но известно, что только в 2010 году количество прекративших деятельность коммерческих организаций составило 45 процентов от общего числа зарегистрированных, а количество индивидуальных предпринимателей и фермеров, которые свернули свою деятельность, впервые превысило число зарегистрированных лиц этой категории. Рост доли ушедших с рынка растет из года в год (см. «Новая газета». 01.07.2011.).

¹⁷ См. обращение в газете «Ведомости» к депутатам Государственной Думы (www.vedomosti.ru/).

¹⁸ См. И. Дежина. Нужен ли России малый инновационный бизнес? — «Человек и труд». 2005. № 3 (см. www.chelt.ru/2005/3-05/dezgina_3-05.html).

¹⁹ См. «Российский статистический ежегодник 2011. Статистический сборник». М., 2011. Табл. 12.1. С. 346.

²⁰ См. «2007 Economic Census. Comparative Statistics for United States». Summary... — www.factfinder.census.gov/

в мире технологиях, новых лишь для России, тогда как по-настоящему принципиально новых технологий создается почти на порядок меньше (в 2010-м — 102)²¹. Причем, как показал опрос, проведенный Российской ассоциацией менеджеров, большинство компаний, которые считаются инновационно активными, тратят выделенные на инновации средства на улучшение существующих продуктов или процессов, и лишь немногие действительно внедряют нововведения, серьезно изменяющие и улучшающие качество продуктов, или занимаются разработкой новых технологий.

Предпринимаемые властями меры, призванные стимулировать предпринимательскую деятельность на инновационном поле, пока не дали заметных результатов. В технопарках, появившихся в 12 регионах, создано 670 компаний-резидентов — это очень мало для такой огромной страны, как Россия²². Более 800 малых инновационных компаний учреждено при вузах и НИИ (это разрешено законом, принятым в 2009 году), но, по оценке экспертов, большую часть из них создали скорее для отчетности перед финансирующими организациями — настолько мизерна стоимость интеллектуальной собственности, вносимая вузами в деятельность этих компаний.

В основе инновационной деятельности лежат изобретательство и предпринимчивость. По уровню предпринимательской активности Россия отстает не только от других стран БРИКС, но и от большинства стран Восточной Европы. Зато налицо «русская изобретательность», широко признаваемая в мире. Российские

«мозги» высоко ценятся за рубежом. Однако развал промышленности, угнетенное состояние фундаментальных и прикладных наук не могли не сказаться негативно и на состоянии изобретательства в России. В постсоветский период изобретательская активность резко упала: годового количества заявок на изобретения (25—28 тысяч) стало в 10 раз меньше, чем двадцать лет назад²³. Тираж журнала «Изобретатель и рационализатор» с 1989 года сократился в 100 раз — до 4 тысяч экземпляров²⁴.

Инновационное развитие и качество государства

В сложившихся условиях роль «мотора» инновационного развития пытается брать на себя государство (что нашло, в частности, отражение в проекте «Сколково» — детище Д. Медведева и в создании Агентства стратегических инициатив — детище В. Путина). Но реализации этой функции препятствуют забюрократизированность и коррумпированность государственного аппарата.

Численность чиновников только в федеральных госорганах выросла за 2000—2010 годы с 522,5 до 868,8 тысячи человек²⁵. Их верхнему слою гарантирован высокий уровень материального благосостояния. По данным Росстата, в 2011 году заработная плата госслужащих федеральных органов в три—четыре раза превышала среднюю по экономике. Помимо

²³ См. «НГ-Наука». 08.06.2011. В Китае за период с 1995-го по 2005 год количество ежегодно подаваемых заявок на изобретения увеличилось в пять раз, в Японии подается в год около 400 тысяч заявок (см. там же). По количеству патентов в год на 1 миллион жителей Россия отстает от Японии в 18 раз, от Южной Кореи — в 14 раз (см. «НГ-Наука». 25.01.2012).

²⁴ См. «НГ-Наука». 14.04.2010.

²⁵ См. «Российский статистический ежегодник 2011». Табл. 2.3. С. 46.

²¹ См. «Российский статистический ежегодник 2011». Табл. 21.27. С. 559.

²² В Китае уже в конце прошлого века было более 120 технопарков.

официальной зарплаты есть разного рода надбавки и льготы, а также другие, часто гораздо более весомые, доходы — масштабы коррупции в стране поражают. Россия оказалась одной из самых коррумпированных стран мира — в этой сфере она уступает лишь таким государствам, как Папуа-Новая Гвинея, Центрально-Африканская Республика и Гаити.

«Коррупционный налог» мешает развитию бизнеса, в том числе — инновационного, зато хорошо служит обогащению высокопоставленных чиновников. Когда исследователи задались вопросом, кто покупает недвижимость на «Рублевке», то оказалось, что бизнесменов среди покупателей — 30 процентов, а чиновников — 70. «Здесь нет ничего удивительного, — комментировал известный экономист М. Делягин. — Ведь государство существует как единый коррупционный механизм, служащий для обогащения бюрократии»²⁶.

Рост численности чиновников и высокие зарплаты никак не коррелируют с эффективностью работы госаппарата. Экономические отношения деформированы привычкой действовать «по понятиям». Предприниматели в решении своих проблем зависят от властных структур в центре и на местах — идет ли речь о разрешении открыть дело, о получении выгодных контрактов или каких-либо других преференций, которые для многих становятся главным конкурентным преимуществом.

Существующий режим обеспечивает главный источник благополучия правящей «элиты» — использование природной и административной ренты. Большая часть правящей «элиты» заинтересована в его сохранении,

что находит отражение в приверженности партии власти консервативной идеологии, которая по-орвелловски трактуется как «идеология развития», но плохо согласуется с идеей модернизации.

В либеральных кругах постоянно звучат требования о сокращении государственного вмешательства. Если подразумеваются злоупотребления государственным вмешательством, то возразить трудно. Но вмешательство вмешательству рознь. Отмена обязательной сертификации продуктов питания (во имя свободной конкуренции!) привела в 2010—2011 годах к десятикратному увеличению количества отравлений недоброкачественными продуктами. Безразличие государства к соблюдению технических регламентов — к увеличению числа тяжелых транспортных катастроф в воздухе и на земле. Поэтому правильнее было бы говорить не о сокращении государственного вмешательства, а о его целях, характере, «качестве»...

Функции государственного управления могут быть шире или уже — в зависимости от условий места и времени, от того, где вмешательство государства безусловно необходимо, а где — необязательно или контрпродуктивно и должно быть ограничено, сведено к минимуму или исключено. Российская ситуация с этой точки зрения парадоксальна. Под флагом борьбы за бездефицитный бюджет государство ведет линию на коммерциализацию социальной сферы, в то время как в экономике — там, где рынок наиболее полезен и эффективен, — частный бизнес страдает от административного произвола, творимого коррумпированной бюрократией. Поэтому можно понять тех, кто связывает перспективы модернизации с «разгосударствлением» российской экономики, то есть вы-

²⁶ М. Делягин. Неравенство доходов становится злокачественным. — «Независимая газета». 01.11.2010.

свобождением рыночных сил из оков административного произвола.

Но очевидно и другое: переход к системному инновационному развитию невозможен без активного участия государства, без эффективной государственной политики развития несырьевых отраслей. На Западе, извлекая уроки из последнего, ставшего глобальным финансово-экономического кризиса, видные эксперты склоняются к выводу, что в процессе формирования новой макроэкономической системы маятник должен качнуться от рынка к государству. Применительно к России этот постулат требует уточнения: к какому государству? Очевидно, к такому, которое представляло бы и отстаивало публичные интересы, а не частные.

Проблема в том, чтобы «изменить само государство», как выразился В. Путин в одной из своих предвыборных статей²⁷. Нужно прежде всего разорвать связку «власть — собственность» в центре и на местах. Бюрократия должна работать в интересах общества. Добиться этого невозможно, не создавая условий для развития реальной демократии и гражданской активности. Отсутствие таких условий делает проблематичным формирование в обществе инновационной среды.

Что в перспективе?

Серией своих первых указов новый-старый президент В. Путин обязал правительство *обеспечить* к 2018 году такие показатели по всем направлениям — от демографии до места России в рейтинге по условиям бизнеса, что, будь они реальными, это

означало бы головокружительный скачок к всеобщему благоденствию. Невольно возникает ассоциация с «Историей одного города» Салтыкова-Щедрина, в которой один из глуповских градоначальников по имени Беневоленский, отличавшийся «непреоборимой наклонностью к законотворчеству», свято верил: «несть на земле дыхания, для которого не было бы своевременно написано хотя какого-нибудь закона»...

Послевыборный всплеск законотворчества не внес определенности в долгосрочные перспективы России. Весной 2011 года Министерство экономического развития должно было представить свой прогноз на период до 2030 года, но по предвыборным соображениям его отложили. Спустя год подготовленные Министерством сценарные условия на долгосрочную перспективу были внесены в правительство. Речь идет о двух возможных сценариях: консервативном, подразумевающим сохранение топливно-сырьевой направленности экономики, и инновационном.

По оценке специалистов Министерства, в случае сохранения топливно-сырьевого доминирования в структуре экономики, неэффективных институтов и «проблемного» инвестиционного и предпринимательского климата неизбежны снижение темпов роста и сползание России на периферию мирового развития. Рассчитывать на увеличение доходов от экспорта нефти и газа не приходится — дадут себя знать факторы, ограничивающие рост этих доходов. Менее вероятным станет сокращение так называемого *ненефтегазового* бюджетного дефицита (без учета доходов от экспорта нефти и газа), покрываемого до сих пор за счет нефтегазовых доходов (до 65 процентов бюджета).

²⁷ См. В. Путин. О наших экономических задачах. — «Ведомости». 30.01.2012 (www.Putin2012.ru/events/149).

И есть другой, инновационный сценарий. Но он требует серьезных структурных и институциональных преобразований. Причем их реальный эффект мог бы проявиться не ранее 2018—2020 годов. Чтобы достичь этого эффекта, потребовалось бы значительно увеличить норму накопления в ВВП, с тем чтобы обеспечить существенное наращивание инвестиций как в инфраструктурные проекты, так и в человеческий капитал. По этому сценарию расходы на НИОКР нужно довести к 2030 году до 3 процентов ВВП, на образование — с 5 процентов ВВП в 2010 году до 7 процентов в 2030-м, на здравоохранение — с 4,6 процента ВВП в 2010 году до 7,3 процента в 2030-м. Речь идет о расходах из государственных и частных источников; при этом предполагается, что частные расходы будут расти опережающими темпами — их доля в финансировании научных исследований должна сравняться с бюджетными расходами (сейчас она в пять раз меньше расходов бюджета) и существенно увеличиться в общих

расходах на образование и здравоохранение²⁸.

Достижение этих целей потребовало бы такого изменения структуры бюджетных расходов, которое никак не согласуется с поставленной В. Путиным задачей рекордного увеличения военных расходов, а также с ранее намеченным увеличением расходов на другие силовые структуры. В любом случае пришлось бы считаться с увеличением бюджетного дефицита, внешних заимствований и ростом государственного долга. Между тем, хотя в Указе В. Путина от 7 мая 2012 года «О долгосрочной государственной экономической политике» и содержится требование к правительству «предусмотреть... мероприятия по развитию национальной инновационной системы», перспективы инновационного сценария в России остаются неопределенными. ◆

²⁸ См. Э. С. Набиуллина. О приоритетах долгосрочного экономического развития. Выступление в Высшей школе экономики 3 апреля 2012 года. — www.economy.gov.ru/minrec/press/news/doc20120403_001